
ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 930.23

Политические мифы новейшей истории Тувы (советский период)

Николай М. Моллеров

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ), г. Кызыл, Республика Тыва, e-mail: nm.mollerov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о двух мифических «китах» исторического тувиноведения: ложном тождестве понятий «покровительство» и «присоединение» в самом большом политическом мифе истории Тувы новейшего периода – призраке народной революции. Заложенные в основание концепции новейшей истории Тувы они обусловили её аморфность и противоречивость.

Ключевые слова: Тува, мифы, протекторат, революция, историческое тувиноведение, концепция, новейшая история

Для цитирования: Моллеров Н. М. Политические мифы новейшей истории Тувы (советский период) // Азиатские исследования: история и современность. 2023. № 2–3 (6–7). С. 8-26. DOI: 24412/2782-6139-2023-6-7-8-26.

Political Myths of the Modern History of Tuva (The Soviet Period)

Nikolai M. Mollerov

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Republic of Tuva, e-mail: nm.mollerov@mail.ru

Abstract. The article reveals two mythical "whales" of historical Tuvan studies: the false identity of the concepts of "patronage" and "accession" and the biggest political myth of the modern history of Tuva – the ghost of the people's revolution. These myths laid in the foundation of the concept of the modern history of Tuva and caused its amorphousness and inconsistency.

Keywords: Tuva, myths, protectorate, revolution, historical Tuvan studies, concept, modern history

For citation: Mollerov N. M. (2023) Political myths of the modern history of Tuva (The Soviet Period) // Asian Studies: History and Modernity, no. 2-3 (6-7). p. 8-26. DOI: 24412/2782-6139-2023-6-7-8-26.

Введение

Традиционные тувинские мифы порой таят в себе золотые крупницы, а порой и самородки ценных сведений о далёком прошлом. Это первый сокровенный слой исторической памяти народа. Взять, к примеру, тувинский космогонический миф «Темир-сал» («Железный плот») о великом потопе. Кроме удивительной истории спасения людей и животных на плоту, скреплённом железным кольцом, этот миф передает и другое судьбоносное для древней Тувы событие – смену европеоидной расы древнего народа Тувы на монголоидную. «Не хотела мать-природа, - повествует миф, - чтобы жили на земле опять те светлоголовые люди, которых она за грехи утопила в бурных водах Великого Озера» [Сафьянов 2012, с 29]. Представляется, что это повествование является эхом далёких времён на рубеже двух эр – до нашей и нашей, – в эпоху железа, когда на территории нынешней Тувы, бывшей в древние времена геополитическим перекрестком, встречались и противоборствовали «волны» европеоидных скифов и монголоидных племён хунну. Как долго происходило смешение рас мы точно не знаем. А вообще, по утверждениям генетиков, для завершения расогенеза достаточно смены 3–4 поколений людей, т.е. 75–100 лет.

Исследователи отмечают, что в поздних записях тувинских традиционных мифов нередко встречаются комментарии информантов, в которых выражается современное, критическое отношение к содержанию традиционного мифа: «правда ли это или неправда не знаю», «с одной стороны вроде бы и похоже на правду», «наши предки так обманывают» и т.д. [Алексеев, Куулар, Самдан 2010, с. 32-33]. Что же касается политических мифов периода Тувинской Народной Республики и Советской Тувы (1921–1991), то они, напротив, претендуют на абсолютную истину.

В первую очередь это миф, порождённый ложным отождествлением объявленного в 1914 г. покровительства России над Тувой с присоединением к российскому государству (миф о присоединении) и вызванный из небытия призрак народной революции 1917–1921 гг. (миф

о тувинской революции). Эти мифы, положенные в основу концепции новейшей истории Тувы, сохраняли своё псевдонаучное значение на протяжении XX – первого десятилетия XXI вв.

Их научная критика стала возможной лишь на рубеже XX и XXI вв. Будучи совершенно умозрительными, т.е. бездоказательными, но идеологически остро востребованными, базируясь на слепой вере в марксистское учение, они просуществовали в качестве непререкаемых истин в условиях социалистической действительности, по инерции захватив ещё почти три десятилетия постсоветского времени.

Обращая на это внимание, мы ни в коем случае не должны забывать о том, что время, в которое наши предшественники изучали историческое прошлое Тувы, было сложным и противоречивым для развития гуманитарных наук, что порой научная объективность в их исследованиях отходила на второй план, уступая первенство политической целесообразности.

В это время бытовали представления о выгодных и невыгодных с точки зрения карьерного роста учёного темах исследования. Действовали табу на критику спорных положений политического характера. Перед историками стояла безрадостная дилемма. Видоизменять теорию, исходя из конкретной действительности, – значит (страшно даже подумать!) прослыть ревизионистом, оппортунистом, «врагом народа». А подгонять факты под голую схему – значит заниматься далёким от науки делом, придавая ему некоторую наукообразность. Но второе, в отличие от первого, было не только безопасно, но и поощрялось государством. По сей день одним из самых серьёзных врагов и коварных искушителей историка была и остаётся политическая конъюнктура, порождающая и сегодня уже добровольных политических мифотворцев.

Ложное тождество

Истинное содержание термина «протекторат» раскрыто в его переводе с латинского и означает не что иное, как «покровительство» [Международное право 1997, с.274]. В 1914 г. Тува приняла покровительство Российской империи. Этим историческим актом было зафиксировано переходное состояние Тувы, от которого она могла эволюционировать либо в сторону присоединения к России, либо к полной самостоятельности. До 1921 г. она ещё не исчерпала шансов для объединения с Россией, но затем пошла по пути обретения государственной самостоятельности.

Однако в отечественной историографии провозглашённый в 1914 г. протекторат России над Тувой без каких-либо обоснований и оговорок до последнего времени отождествлялся с присоединением. А между тем, совершенно ясно, что прояснение вопроса о статусе Тувы в начале XX в. имеет не только политическое, но и научно-историческое концептуальное значение. От его объективного решения зависит правильность концепции новейшей истории Тувы.

К ложному толкованию протектората историки-тувиноведы пришли не самостоятельно, не в научном поиске, не чуждом заблуждений, а следуя примеру первого лица в ТНР – Генерального секретаря ЦК Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) С. К. Тока. В 1943 г. в статье о ТНРП он попутно затронул тему российского протектората над Тувой, понимаемого им как присоединение. «Присоединение Тувы к России, - писал он, - послужило основным толчком к некоторому улучшению экономического положения страны... Вхождение страны в состав России, во-первых, положило конец постоянным переходам Тувы из одних рук в другие и, во-вторых, сыграло прогрессивную роль тем, что способствовало некоторому хозяйственному и культурному росту Тувы...» [Тока 1943, с. 37]. Сам ли он пришёл к такому заключению или учёл мнение историков Учёного Комитета ТНР, сейчас установить непросто. Как бы то ни было, выдвинутое С.К. Тока положение о прогрессивности протектората никаких возражений не вызвало, разве что было расширено историками. Но в нём нет даже намёка на объяснение, почему, на каком основании протекторат (покровительство) был отождествлён с присоединением, вхождением в состав России. А объяснение здесь может быть только политическим.

Так как социалистическая модернизация в Туве осуществлялась при опоре на советское государство, возникало понятное желание представить русско-тувинские исторические связи как исключительно тесные и дружественные. Кроме того, в конце 1930 — начале 1940-х гг. тувинское руководство и, в первую очередь, сам С. К. Тока, задумывалось над вопросом о вхождении Тувы в состав СССР. Конечно, для свершения этого исторического шага уже были веские аргументы. Однако утверждение о нахождении бывшего Урянхайского края в составе России в период 1914–1921 гг. могло придать решению о вхождении ещё больший вес.

Обращает на себя внимание также то, что историки-тувиноведы, исследуя и цитируя исторические документы, упорно обходили своим

вниманием те из них, где совершенно ясно и однозначно указывалось на разницу между присоединением и протекторатом. Например, «забывали» цитировать точку зрения министра иностранных дел России С. Д. Сазонова, который, учитывая геополитическую ситуацию, рекомендовал воздержаться от приёма тувинцев в российское подданство (что и было бы присоединением), а ограничиться установлением протектората. Было и альтернативное мнение заместителя главноуправляющего землеустройством и земледелием П. Н. Игнатьева о принятии населения Тувы в «полное подданство», но Николай II поддержал С. Д. Сазонова. [Адамов 2007, с. 30-31]. В своих трудах они писали о присоединении как свершившемся факте. [Сейфулин 1954, с. 36-41; Аранчын 1957, с.142-158; он же 1982, с. 55-63; Дулов 1959, с. 11-33]. Вот один из ярких примеров ложного отождествления или, говоря проще, передёргивания: «8 апреля 1914 г. официально был объявлен протекторат России над Тувой. Так оформляется присоединение Тувы к России» [Сейфулин 1954 с. 41].

На самом же деле присоединение стало задачей будущего. Принятие тувинцев в подданство Российской империи на повестке дня не стояло. Условия протектората сводились к тому, чтобы при полном внутреннем самоуправлении местного населения, сохранении его обычаев и традиций, все вопросы внешнего порядка, особенно в отношении контактов с Монголией и Китаем, делегировать представителю царской администрации в Туве в лице комиссара по делам Урянхайского края. Он же являлся арбитром в разрешении возникающих внутренних споров и конфликтов. Приняв эти условия, Тува обрела положение полунезависимой территории, укрепившей предпосылки своей государственности. Она избавилась от маньчжурского судопроизводства с его жестокими пытками и истязаниями, от всех налогов в пользу внешних порабощателей. Избавление от налогового бремени на период с 1914 по 1921 гг. способствовало оживлению кочевого хозяйства. В сравнении с предшествующим периодом экономического развития, это был большой шаг вперед.

Неправильное толкование статуса Тувы, представление о ней, как о составной части Российского государства, неразличение протектората (покровительства) и присоединения исказило концепцию новейшей истории Тувы. Во-первых, ложное тождество, понимаемое как присоединение, невольно приводило к завышению степени революционного влияния России на Туву, жёстко подводило историков-тувиноведов к применению известной концепции триумфального

шества советской власти. Но коренное население Тувы в неё не вписывалось, поскольку Советов не создавало и за их власть в Туве, за редким исключением, не выступало. Созданный же большевиками Краевой Совет, распространял свою власть лишь на русских, не касаясь тувинского населения. История тувинцев являла собой арену скорее политических, чем классовых битв. Напротив, и это надо подчеркнуть, даже влияние октябрьских событий в России не вызвало в тувинском обществе гражданского раскола и острого межклассового противостояния.

Это несоответствие не устранялось в рамках известного ленинского положения о национально-освободительной борьбе народов Востока в период Октябрьской революции. Вооружённую борьбу тувинских повстанцев против колчаковцев лишь с большой оговоркой можно назвать освободительной, поскольку их союзниками в ней были отряды монгольских и китайских интервентов, вскоре установивших в Туве оккупационный режим [Моллеров 2020, с. 232-258]. Но историки-тувиноведы даже пошли дальше, выдвинув положение об особой революции в Туве, на том основании, что она, по аналогии с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством в составе Российской империи, рассматривалась в качестве российского протектората. К тому времени уже был опубликован ряд работ о революционных событиях в среднеазиатских протекторатах России. В постсоветское время они были признаны спорными [Генис 2002, с.18-36; Адиб 2003, с. 198-200]. Но до этого было ещё далеко. Х. М. Сейфулин писал: «Присоединение Тувы к России особенно большое значение имело для трудящихся аратов. В России назревала социальная революция под гегемонией пролетариата, в составе России тувинскому народу открывалась реальная возможность в ближайшее время освободиться от всякого рода социального и национального гнёта» [Сейфулин 1956, с. 16]. А вслед за Октябрьской революцией, по мысли автора, пришла тувинская революция, положившая «начало переходу страны на путь социалистического развития, минуя стадию капитализма» [История Тувы 1964, т. 2, с. 87].

Призрак революции

Известный русский философ первой половины XX в. Николай Бердяев писал: «Каждая великая историческая эпоха... насыщена мифами... Был создан миф о Великой французской революции; миф этот поддерживался, а не разрушался историками в течение очень долгого периода времени, и только сравнительно позднее историки

начали разрушать его...» [Бердяев 2016, с. 28]. Но Великая французская революция не была «чистым» стопроцентным мифом. Иное дело – миф о тувинской революции.

Можно сказать, что в советское время историки-тувиноведы выдвинули с их точки зрения актуальную в идеологическом отношении, но, как оказалось, бесплодную в научном смысле идею об особой революции в Туве, на которую время от времени примеряли разные названия. Сначала её называли буржуазно-демократической, затем национально-освободительной и, наконец, стали именовать народно-демократической или народной. Но ни один из предложенных вариантов надёжно подкрепить историческими фактами и сделать убедительным не удалось. Концепция тувинской революции вызывает много вопросов. Её такие важные параметры и характеристики, как время начала и окончания, социальный характер, этапы, движущие силы, руководящий центр (партия, политическая организация), так и остались белыми пятнами или неубедительными «голыми» схемами. Своими зыбкими очертаниями она напоминает призрак.

Попытку теоретического обоснования проблемы предпринял Х. М. Сейфулин. Главным образом благодаря его усилиям, в историческом тувиноведении долгое время доминировала совершенно умозрительная концепция революции, полученная методом трафаретного наложения марксистской теории классовой борьбы и учения о социальной революции на действительность традиционной кочевой Тувы. «Развитие национально-освободительного движения тувинских аратов происходило в русле общих объективных закономерностей классовой борьбы, но в то же время оно имело свою специфику ...» - писал он [Сейфулин, 1968, с. 4].

Основываясь на ней, созданное в 1921 г. первое тувинское государство неправомерно объявили главным итогом и результатом победы тувинской революции. В своей более ранней работе Х. М. Сейфулин отмечал: «В ходе развития буржуазно-демократической революции в России и перерастания её в социалистическую революцию одним из злободневных вопросов являлся вопрос о национальном самоопределении народов России. И в Туве этот вопрос стал актуальным политическим вопросом» [Сейфулин, 1956, с.19-20]

Но, обосновывая революцию теоретически, он не учёл всех деталей и фактов истории. Пытаясь доказать, что «подлинными революционными носителями национального самосознания могли быть только трудящиеся

араты» [Сейфулин 1956, с. 21], он не заметил, что инициаторами не только принятия российского протектората, но и создания государства выступили представители правящей элиты. Упуская существенные детали, Х.М. Сейфулин пишет: «В 1912 – 1913 гг. группа тувинских феодалов обратилась к правительству России с просьбой принять Туву под протекторат Российской империи» [Сейфулин 1956, с. 9]. Но при этом даже не упоминает о том, что на съезде тувинских чиновников в феврале 1912 г. было принято решение о создании самостоятельного государства под протекторатом России. Однако с принятием протектората государства в то время не возникло. Стоит ли удивляться тому, что вопрос о его создании получил своё закономерное развитие и разрешение уже в новых условиях в августе 1921 г. и что активными сторонниками его решения снова стали феодалы и крупные чиновники.

Умозрительные построения о тувинской революции и далее легко разбиваются фактами. Достаточно упомянуть о том, что в списке тувинских революционеров (их чаще называли красными партизанами) было чуть более тридцати человек, и все они действовали не в качестве самостоятельной и мобильной революционной единицы или политического ядра, а воевали разрозненно в разных отрядах русских красных партизан. За весь период 1917-1921 гг. мы имеем лишь единичный пример классового выступления тувинских аратов против своего феодала, когда на Улуг-Хеме араты во главе с А.-Т. Чульдумом, под влиянием русского кузнеца Бирюкова арестовали князя Ажикая, но вскоре его отпустили. О частом угоне скота у феодалов и чиновников можно не говорить, так как подобное в Туве происходило во все времена (даже в ТНР).

Подвести под миф фактологическую базу безуспешно попытался историк В. Ч. Очур. В 1960 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Тувинская национально-освободительная революция». На следующий год он опубликовал под тем же названием монографию на тувинском языке, а в 1967 г. увидел свет её русский вариант [Очур 1967]. Но, как ни странно, несмотря на говорящее название, тувинская революция в качестве предмета исследования в этих изданиях не просматривается. Добросовестно описывая события периода 1917-1921 гг., автор на самом деле изложил историю не революции, а Гражданской войны в Туве. А в русской версии монографии термин «революция» он упомянул лишь несколько раз. Он даже исчез из названия монографии на русском языке, озаглавленной более корректно и приемлемо: «Великий Октябрь и Тува».

Свою лепту в обоснование народной революции в Туве внёс и Н. А. Сердобов. В научной монографии «Коминтерн и революционная Тува» [Сердобов, 1985] он предпринял попытку трактовки исторической ситуации в Туве в период 1917–1921 гг. как ситуации революционной, при которой верхи уже не могли управлять, а низы не хотели жить по-прежнему. Основным аргументом, приведённым автором в подкрепление своих теоретических выкладок, явилось утверждение о резком ухудшении экономического положения Тувы накануне революционных событий в России и в русской колонии края. Однако это утверждение расходится с реалиями исторической действительности. Во втором томе нового издания «Истории Тувы» в разделе «Экономическое положение Тувы» приведены многочисленные факты и свидетельства оздоровления тувинской экономики в начале XX века. Там, в частности, сказано: «В условиях протектората началось экономическое оживление Тувы. Этому способствовали освобождение от албана и долгов Китаю, прогрессивное влияние на тувинскую экономику рыночных отношений, улучшение транспортных условий и т.п. Расширились русско-тувинские торговые связи, принимались меры по снижению цен на ввозимые товары. Укреплялось экономическое сотрудничество Тувы с соседними сибирскими регионами, особенно с Минусинским краем». Все это не подтверждает мнения об обострении в Туве экономической ситуации накануне известных событий 1917–1921 гг.» [История Тувы 2007, т. 2, с. 30].

Анализируя события этого периода, мы видим, что подавляющая часть тувинских аратов в это время, как правило, поддерживала своих нойонов и чиновников [Молчанов 1998, с. 95]. Под их руководством, вместе с монголами и китайцами, они изгоняли из Тувы колчаковцев, сжигали русские населённые пункты, служили китайскому комиссару Ян Шичао, затем громили китайский отряд. Логическим завершением этого военного периода стало доминирование тувинских духовных и светских феодалов на Всетувинском учредительном хурале в августе 1921 г. Это они, а не тувинские араты, там ратовали за создание национального государства. Вряд ли эти события можно квалифицировать как революционный процесс.

В кандидатской диссертации московского этнополитолога Н. П. Москаленко, тувинская революция совершенно справедливо отнесена к разряду мифов. В ней, в частности, отмечено, что для утверждения об участии «революционно настроенного аратства» в создании тувинского государства, оснований и документальных

данных не имеется [Москаленко 2000, с. 13-14]. Высказанные автором соображения справедливы и хорошо коррелируются с архивными данными, приведёнными Ю. Л. Аранчыном. Согласно им, правом решающего голоса на Великом учредительном хурале пользовались 6 удельных князей, 6 помощников князей, 46 чиновников и только 6 аратов. В состав правительства во главе с амбын-нойоном были избраны 5 князей и 2 крупных чиновника [Аранчын 1984, с. 13]. Хотя в научной литературе можно нередко встретить утверждение, что до 200 аратов принимали активное участие в работе съезда, по протоколу заседания Великого Хурала этого не видно [История Тувы 1964, т. 2, с. 79; Аранчын 1982, с. 89]. Даже Х.М. Сейфулин был вынужден сделать оговорку: «Кроме официальных делегатов на хурал прибыло несколько сот аратов» [Сейфулин 1956, с. 110], из которой видно, что он разделяет собственно делегатов и прочих участников съезда. В связи с этим утверждение, что на съезде все судьбоносные решения принимались подавляющим большинством аратских представителей, следует считать бездоказательным.

Нет никакой ясности относительно начала и завершения революции. Она датируется 1917–1921 гг. Но вот что писал Сейфулин в одной из своих ранних работ: «28 августа 1920 г. уполномоченный Сибревкома (Сафьянов – Н.М.) с отрядом красноармейцев прибывает в Туву. К этому времени в Туве политическая обстановка складывается в пользу революции» [Сейфулин, 1956, с. 61]. То есть получается, что назревание революции происходит уже далеко после 1917 г. Далее, дав краткое описание Тарлашкынскому бою в первой половине мая 1921 г., автор пишет об окончательном освобождении территории Тувы и открывшейся перспективе национального самоопределения, а затем резюмирует: «Так победила Тувинская национально-освободительная революция 1921 г.» [Сейфулин 195, с. 64]. Речь идёт о событии, которое произошло за три месяца до Всетувинского учредительного хурала, провозгласившего образование тувинского государства. Очень похоже на то, что автор хотел показать, что весь ход предшествующих хуралу революционных событий уже предопределил и обусловил его решения. На такую попытку указывает и то, что о Всетувинском учредительном хурале (съезде) он говорит уже в новой главе без упоминания в её названии революции.

Похожие размышления можно встретить у Н. А. Сердобова. «Всё это (разгром китайцев и колчаковцев «к лету 1921 г».) вместе взятое, – считает он, – и обеспечило победу тувинской революции, позволило созвать

13 августа 1921 г. в местечке Суг-Бажы (ныне с. Кочетово) Всетувинский Учредительный Хурал» [Сердобов 1985, с. 55]. То есть в данном случае Гражданская война опередила революцию. Это высказывание допускает такое толкование: революция победила ещё до Учредительного Хурала, победа сделала возможным его созыв. Только в историографии Тувы закрепилось другое мнение – о победе революции на съезде (хурале). И снова перед нами всё тот же колеблющийся призрак революции. Без ясных и чётких очертаний.

Передёргивания, натяжки и другие следы подгонки под схему в изложении тех или иных событий можно встретить на каждом шагу даже в солидных по тем временам изданиях. Так, в «Истории Тувы» говорится, что в 22 параграфах конституции 1921 г. «кратко излагались завоевания революции», а в параграфе 8 «был подтверждён антиимпериалистический характер Тувинской национально-освободительной революции» [История Тувы 1964, т. 2, с. 80]. На самом же деле в первой тувинской конституции о революции не сказано ни слова [Конституции Тувы 1999, с. 25-27]. Примечательно, что один из членов советской делегации П. С. Медведев, выступая на Всетувинском учредительном хурале (съезде) с докладом о положении в Туве, говорил главным образом об её освобождении Октябрьской революцией, но ни слова не сказал о тувинской революции [Учёные записки 1957, с. 291]. «Советское правительство в своём сообщении (14 сентября 1921 г.) горячо приветствовало победу Народной революции и образование нового государства...» – сказано в «Очерках истории Тувинской организации КПСС» [Очерки 1975, с. 34]. Однако в названном документе о революции даже не упоминается. И вовсе не массовость движения (а народная революция её предполагает) привела к победе революции. Как считал сам Х.М. Сейфулин, решающую роль здесь сыграла «военная помощь Советской России» [Сейфулин 1954, с. 63].

Всё же следует признать, что никто из историков не ставит под сомнение факт смены феодально-патриархального строя на народно-демократический строй. Смена строя и переход власти к народу, на первый взгляд, выглядит как неопровержимый аргумент в пользу свершившейся революции. Однако, никто не попробовал посмотреть на это событие с точки зрения его генезиса и всестороннего рассмотрения в конкретно-исторических условиях. Никто не поставил вопросы: «А что позволяет говорить о смене строя? Как происходила его смена? Революционным путем, в острой политической борьбе или по-другому?».

Отвечая на них, нужно иметь в виду, что в Туве к началу XX в. представительная власть не сформировалась. Цинская империя, в составе которой Тува находилась полтора века, такой власти также не имела. Под протекторатом России небольшое число тувинских чиновников непродолжительное время вовлекались с совещательным голосом в работу урянхайской земской организации и краевой власти. Полученный опыт позволил им составить самое общее представление о предназначении этих органов власти (самоуправления), но они не предполагали, что наделение всех слоёв населения политическими правами может грозить их политическому и экономическому влиянию.

И когда при обсуждении устройства будущего государства представитель Сибревкома в Туве И. Г. Сафьянов предложил избрать представительную власть, никто возражений не высказал. На Всетувинском учредительном хурале при рассмотрении и утверждении Конституции провозглашённого государства этот вопрос также споров и сомнений не вызвал. Источники упоминают ряд спорных положений, которые на съезде дискутировались. Но вопрос о представительной власти к таковым не относился. И смена строя на съезде произошла легитимно, путём принятия конституции с положением о представительном органе власти, формируемом на выборах граждан. Во всей этой несложной цепочке рассуждений совершенно нет места революции.

Рассмотрим и ещё одно общее положение о революции. «Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса*, - учил В.И. Ленин, – есть первый, главный, основной признак *революции* как в строго научном, так и в практически-политическом значении этого понятия» [Ленин 1969. Т. 31, с. 133]. По мнению сторонников концепции тувинской революции, это ленинское положение является аксиомой, приложимой к тувинской действительности. Ведь перешла же власть в Туве от феодалов к аратам в 1921 г., уверены они. Но рассмотренное выше положение о народно-демократическом строе вовсе такого перехода не фиксирует. Власть через выборы получают в равной степени и феодалы, и араты, если их законно избирают. Народно-демократический строй изначально не подразумевал диктатуры одного класса. Другое дело, что авторитетом у неграмотного аратского населения по-прежнему пользовались феодалы, ламы и чиновники. Они и правили почти десятилетие, пока им постепенно не подготовили замену. Араты получили власть лишь в конце 1920 – начале 1930-х гг.

Сегодня ещё немало тувинских историков, которые придерживаются положения о народной революции 1917-1921 гг. Но до сих пор никто из них, не привёл убедительных научных доказательств, подтверждающих это положение. Если кто-то продолжает отстаивать данное положение, он должен в первую очередь подвести под существующие схоластические выкладки прочную фактологическую базу. Но это невозможно. Анализ архивных документов и других источников показывает, что такая база отсутствует. Поэтому не стоит удивляться, что авторы «Очерков истории тувинской организации КПСС», заявив в издании раздел «Победа народной революции. Образование Тувинской Народной Республики», уделили революции лишь один небольшой абзац [Очерки 1975, с. 32], что вполне правомерно соавторы «Истории Тувы» для 9 класса и второго академического издания «Истории Тувы» исключили из структуры своих изданий тему народной революции.

Сторонники концепции народной революции, как правило, воспитанные на мифе о ней, в качестве доказательств приводят многочисленные примеры локальных выступлений аратов против колчаковцев и китайского оккупационного отряда. Да, это действительно было. Но действия многочисленных мелких отрядов не носили организованного характера, представляя собой хаотичное и стихийное движение. И все примеры вооружённых выступлений органично вписывается в концепцию Гражданской войны и борьбы с иностранными интервентами в Туве.

Безуспешной оказалась попытка автора настоящей статьи выделить в канве исторических событий 1917–1921 гг. более-менее заметную плеяду революционеров, наметить хоть какие-то контуры политической организации (а она должна быть, так как революционеры – не одиночки, а сознательные члены политической организации). Относительно 1917 г. в документальных источниках говорится о «брожении» среди аратов, которое выражалось в росте их протестов против произвола и угонх скота феодалов. «Трудовые араты, – писал В.Ч. Очур, – в силу своей крайней политической отсталости не могли сразу разобраться в происходящих в России революционных событиях и развернуть национально-освободительную борьбу» [Очур 1967, с. 22-23]. Это не единственное высказывание подобного рода, оно встречается и у других исследователей и вполне согласуется с фактами. Но, вопреки ему, начало народной революции все же датируется 1917 годом. Это делается через механическое соединение борьбы за Советы с ещё даже не начавшейся освободительной борьбой.

В 1918 г. действия аратов-повстанцев приобретают антиколчаковский характер. Но у «тувинских революционеров» нет ни программы, ни плана революционных действий, ни определения конечной цели. Логично предположить, что среди русских у них должны быть союзники, но никто из русских коммунистов и сторонников Советской власти о революционерах-тувинцах в своих воспоминаниях не рассказывает. Чем ближе к августу 1921 г. («пику революции»), тем, казалось бы, активнее и ярче должны проявлять себя тувинские революционеры. Агитировать среди населения, доводить до него свою программу, ставить вопрос о взятии власти в свои руки, разворачивать дискуссии вокруг положений будущей Конституции. Однако мы видим, что наиболее активно ведут себя представители феодалов, лам и чиновничества. Восточный Секретариат Коминтерна требует от И. Г. Сафьянова создания тувинской организации революционеров, но он бессилен. ТНРП возникает только в 1922 г., когда главные задачи «революции» уже решены. В связи с этим вполне уместно привести следующую цитату из научной работы Х. М. Сейфулина: «Наиболее авторитетными участниками и руководителями революционного движения в Туве 1917–1921 гг. являлись товарищи Крюков Н. Г., Беспалов С. К., убитые в 1918 г., Чугунов Я. С., позднее избранный секретарем райбюро компартии, Кочетов С. К. (командир партизанского отряда в Туве), Филиппов А., Козулин Н. (усинские большевики, прибывшие в Туву), Хлебников С., Кол-Санжа, Бальчир, Курседи и многие другие» [Сейфулин 1954, с. 47]. Видно, что после перечисления русских сторонников Советской власти, следуют упоминания лишь трёх тувинских участников тувинского освободительного движения. Возможно, под словосочетанием «многие другие» следует подразумевать не менее ярких личностей, но на память приходят совсем немногие.

Концепция тувинской революции, как и вся историография Тувы, базировались на формационном походе, который сам по себе, без дополнения цивилизационным (культурно-историческим, ментальным) подходом, отражает действительность (циклическое время, отсутствие революционной политической субкультуры) неадекватно. Между тем учение о революции переносило тувинцев в иное, линейное (формационное) измерение, когда время выпрямлялось, резко ускорялся его ритм. И это ускорение надо было прочувствовать, привыкнуть к нему, преодолеть возникающий по его причине психологический дискомфорт. Только времени на это кочевой Туве отведено не было.

А значит, и говорить о революционной составляющей политической культуры аратов того времени просто наивно.

Пропаганда идей классовой борьбы, начавшаяся, как утверждается в региональной историографии, с момента переселения в Туву культуртрегеров марксизма – русских крестьян и рабочих, начала звать тувинцев в новые неизведанные дали. Трудности ведения такой пропаганды по указанной выше причине огромны, поскольку речь идёт о попытке преодоления вековых стереотипов, а успехи были минимальны и главным образом достигнуты за счёт обработки маргиналов-пауперов. Да и агитаторов среди переселенцев было не так уж много: переселялся главным образом зажиточный элемент, а рабочие находились в глухих, малолюдных местах на приисках. Наплыв крестьянской бедноты в Туву был незадолго до революции в России. Так что времени, чтобы распропагандировать тувинцев у этой категории переселенцев не было.

Заключение

Таким образом, долгое время прежняя концепция истории Тувы начала XX в. представляла собой причудливое смешение двух политических мифов в очень спорной и противоречивой формуле: Тува = окраина России + особая революция. Сейчас она постепенно выправляется. Критика этих политических мифов стала возможной лишь на рубеже XX и XXI вв. Будучи совершенно умозрительными, т.е. бездоказательными, но идеологически остро востребованными, базируясь не на фактах, а на вере, они просуществовали в качестве непререкаемых истин в условиях социалистической действительности, по инерции захватив ещё почти три десятилетия постсоветского времени. Это были мифы, созданные на марксистско-ленинской политической платформе в условиях движения Тувы по «некапиталистическому» пути и строительства социализма. Трактовка исторических событий в Туве 1917-1921 гг. в духе народной революции не имеет под собой серьёзных оснований. Будучи совершенно умозрительной, она лишена фактологической базы. ТНР в 1944 г. вошла в состав РСФСР и СССР кочевым государством. Глубокие коренные преобразования происходили уже позднее в период ТНР и под влиянием Советского Союза.

Литература:

1. Адамов 2007 – Адамов, Е.А. Урянхайский вопрос при царском и Временном правительствах. Кызыл: типография КЦО «Аныяк». 72 с.
2. Адиб 2003 – Адиб, Х. К истории бутуфорских революций. Документальная

- хроника // Восток. №1. С. 198-200.
3. Алексеев, Куулар, Самдан 2010 – Алексеев, Н.А, Куулар, Д.С., Самдан, З.Б. Традиционная несказанная проза тувинцев // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Мифы, легенды, предания тувинцев. Новосибирск: Наука. Т.28. С. 11-37.
 4. Аранчын – 1982 - Аранчын Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: «Наука». 338 с.
 5. Аранчын 1957 – Аранчын, Ю.Л. Историческое значение присоединения Тувы к России в 1914 г. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл. Вып 2. С.142-158.
 6. Аранчын 1984 – Аранчын, Ю.Л. К вопросу о периодизации истории Тувы переходного периода от феодализма к социализму // Проблемы истории Тувы. Кызыл: Тувинское книжное издательство. С. 3-41.
 7. Белов 1995 – Белов, А.Е. Проблема Урянхайского края в русско-китайско-монгольских отношениях (1911-1914) // Восток. № 1.С. 56-67.
 8. Бердяев 2016 – Бердяев, Н. Смысл истории. СПб: Азбука - Классика. 254 с.
 9. Генис 2002 – Генис, В.Л. Борьба вокруг реформ в Бухаре в 1917 г. // Вопросы истории. № 3. С. 18-36.
 10. Дулов 1959 – Дулов, В.И. Присоединение Тувы к России в 1914 г. // Учёные записки ТНИИЯЛИ. Кызыл. Вып. 7. С. 11-33.
 11. История Тувы 1964 – История Тувы. В 2 т. Т.II. / отв. ред. Л.П. Потапов. М.: Наука. 1964. 455 с.
 12. Конституции Тувы 1999 – Конституции Тувы. 1921- 1993. / сост. В.А. Дубровский. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 214 с.
 13. Ленин 1969 – Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 31. М.: Издательство политической литературы. 671 с.
 14. Международное право 1997 – Международное право. Словарь-справочник. М.: ИНФРА-М. 264 с.
 15. Моллеров 2020 – Моллеров, Н.М. Революционные события и Гражданская война в «урянхайском измерении» (1917-1921 гг.) // Великая революция и Гражданская война в России в «восточном измерении. М.: ИВ РАН. С. 232-258.
 16. Молчанов 1998 – Молчанов, Л.А. «Урянхайский вопрос может быть решен лишь путем мирных переговоров». Документы Временного Сибирского и Российского правительств. 1918 – 1919 гг. // Исторический архив. М.: История-Сервис. № 3. С. 84-105.
 17. Москаленко 2000 – Москаленко, Н.П. Основные проблемы этнополитической истории Тувы в XX в.: авт-ат канд. истор. наук. М. 2000. 28 с.
 18. Очерки 1975 – Очерки Тувинской областной организации КПСС. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 405 с.

19. Очур 1967 – Очур, В.Ч. Великий Октябрь и Тува. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 146 с.
20. Протокол 1957 – Протокол Всетувинского учредительного хурала 13-16 августа 1921 г. // Ученые записки ТНННЯЛИ. Кызыл. Вып. 5. С. 287 - 302.
21. Сафьянов 2012 – Сафьянов, И.Г. Тува в прошлом: в 2 т. Т. I. Художественное творчество тувинского народа; Фотоархив / Иннокентий Сафьянов; авторы проекта В.К. Мазо, Л.В. Мазо; в подгот. изд. к печати приняли участие А.К. Кужугет, Н.М. Моллеров, М.П. Татаринцева, К.А. Бичелдей; ТИГИ при Правительстве Респ. Тыва. М., 2012. – 232 с.
22. Сейфулин 1954 – Сейфулин, Х.М. Образование Тувинской автономной области РСФСР. Кызыл: Тувкнигиздат. 260 с.
23. Сейфулин 1956 – Сейфулин, Х.М. К истории Гражданской войны и иностранной интервенции в Туве. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 120 с.
24. Сейфулин 1968 – Сейфулин, Х.М. ТНР – важный этап в истории тувинского народа // Ученые записки ТНННЯЛИ. Кызыл. Вып. 3. С. 3-28.
25. Сердобов 1985 – Сердобов, Н.А. Коминтерн и Революционна Тува. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 238 с.
26. Тока 1943 – Тока, С.К. Зарождение Тувинской народно-революционной партии // Под знамя Ленина-Сталина. № 5. С. 33-42.

References:

1. Adamov, E. A. (2007), “Uryanhajskij vopros pri carskom i Vremennom pravitel'stvah”, [The Uriankhai Question under the Tsarist and Provisional Governments], Kyzyl, Printing house KCO “Anyyak”, 72 p. (In Russ.).
2. Adib, H. (2003), “K istorii butoforskikh revolyucij”, [On the history of fake revolutions. Documentary chronicle], East, No. 1. p. 198-200. (In Russ.).
3. Alekseev, N. A., Kuular D. S., Samdan Z. B. (2010), “Tradicionnaya neskazannaya proza tuvincev”, [Traditional untold prose of the Tuvans], Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. Myths, legends, traditions of Tuvans. Novosibirsk, Nauka Publishing House, vol. 28. p. 11-37. (In Russ.).
4. Aranchyn, Yu. L. (1982), “Istoricheskij put tuvinskogo naroda k socializmu (kon. XIX – 50 g. XX v.)” [The Historical Path of the Tuvan People to Socialism (Late 19th – 50s of the 20th Century)], Novosibirsk, Nauka Publishing House, SB, 338 p. (In Russ.).
5. Aranchyn, Yu. L. (1957), “Istoricheskoe znachenie prisoedineniya Tuvy k Rossii v 1914 g.», [The historical significance of the annexation of Tuva to Russia in 1914], Scientific notes of TNNIYALI, Kyzyl, Issue 2, pp.142-158. (In Russ.).
6. Aranchyn, Yu .L. (1984), “K voprosu o periodizacii istorii Tuvy perekhodnogo perioda ot feodalizma k socializmu”, [On the issue of periodization of the history of Tuva during

- the transition period from feudalism to socialism], Problems of the history of Tuva, Kyzyl, Tuvan book publishing house, p. 3-41. (In Russ.).
7. Belov, A. E. (1995), "Problema Uryanhajskogo kraja v russko-kitajsko-mongol'skih otnosheniyah (1911 - 1914)", [The problem of the Uriankhai region in Russian-Chinese-Mongolian relations (1911-1914)], Vostok, no. 1, p. 56-67. (In Russ.).
8. Berdyayev, N. (2016), "Smysl istorii", [The meaning of history], Saint-Petersburg, ABC – Classics, 254 p. (In Russ.).
9. Genis, V. L. (2002), "Bor'ba vokrug reform v Buhare v 1917 g.", [The struggle around reforms in Bukhara in 1917], Questions of history, No. 3, p. 18-36. (In Russ.).
10. Dulov, V. I. (1959), "Prisoedinenie Tuvy k Rossii v 1914 g.", [The annexation of Tuva to Russia in 1914], Uchenye zapiski TNIIJaLI, Kyzyl, Vol. 7, p. 11-33. (In Russ.).
11. "Istoria Tuvy" (1964), [The history of Tuva] in 2 vol., ed. by L. P. Potapov, Novosibirsk, Nauka Publishing House, no. 2, 455 p. (In Russ.).
12. "Konstitucii Tuvy" (1999), [Constitution of Tuva. 1921-1993.], comp. by V. A. Dubrovsky, Kyzyl, Tuvan book publishing house, 214 p. (In Russ.).
13. Lenin, V. I. (1969), "Polnoe sobranie sochinenij", [Full composition of writings], ed. 5, vol. 31, Moscow, Publishing house of political literature, 671 p. (In Russ.).
14. "Mezhdunarodnoe pravo" (1997), [International Law], Dictionary – reference book, Moscow, INFRA-M., 264 p. (In Russ.).
15. Mollerov, N. M. (2020) "Revolucionnyye sobytiya i Grazhdanskaya vojna v "uryanhajskom izmerenii (1917-1921 gg.)", [Revolutionary events and the Civil War in the "Uriankhai dimension" (1917-1921)], in The Great Revolution and the Civil War in Russia in the "Eastern dimension", Moscow, IV RAN, p. 232-258. (In Russ.).
16. Molchanov, L. A. (1998), "Uryanhajskij vopros mozhet byt' reshen lish' putem mirnyh peregovorov". Dokumenty Vremennogo Sibirskogo i Rossijskogo pravitel'stv. 1918 – 1919 gg., ["The Uriankhai issue can only be resolved through peaceful negotiations". Documents of the Provisional Siberian and Russian governments. 1918 – 1919], Historical archive, Moscow, History-Service, no. 3, p. 84–105. (In Russ.).
17. Moskalenko, N. P. (2000), "Osnovnye problemy etnopoliticheskoy istorii Tuvy v XX v.: avt-at kand. istor. Nauk", [The main problems of the ethnopolitical history of Tuva in the 20th century: author's cand. history Sci.], Moscow, 28 p. (In Russ.).
18. "Ocherki Tuvinskoj oblastnoj organizacii KPSS" (1975), [Essays on the Tuva regional organization of the CPSU], Kyzyl, Tuvan book publishing house, 405 p. (In Russ.).
19. Ochur, V. Ch. (1967), "Velikij Oktyabr' i Tuva", [Great October and Tuva], Kyzyl, Tuvan book publishing house, 146 p. (In Russ.).
20. "Protokol Vsetuvinskogo uchreditel'nogo hurala 13-16 avgusta 1921 g. (1957)" [Protocol of the All-Tuvin Constituent Khural on August 13-16, 1921], Uchenye zapiski TNIIJaLI, Kyzyl, Vol. 5, pp. 287 - 302. (In Russ.).

21. Safyanov, I. G. (2012), “Tuva v proshlom”, in 2 vol., vol. 1, Hudozhestvennoe tvorchestvo tuvinskogo naroda; Fotoarhiv”, [Tuva in the past: in 2 volumes. Volume I. Artistic creativity of the Tuvan people; Photo archive], Innokenty Safyanov, Moscow, 232 p. (In Russ.).
22. Seyfulin, Kh. M. (1954), “Образование Тувинской автономной области РСФСР”, [Formation of the Tuvan Autonomous Region of the RSFSR], Kyzyl, Tuvan Publishing House, 260 p. (In Russ.).
23. Seyfulin, Kh.M. (1956), “К истории Гражданской войны и иностранной интервенции в Туве”, [On the history of the Civil War and foreign intervention in Tuva], Kyzyl, Tuvan book publishing house, 120 p. (In Russ.).
24. Seyfulin, Kh. M. (1968), “ТНР – важный этап в истории тувинского народа”, [TNR is an important stage in the history of the Tuvan people], Uchenye zapiski TNIJaLI, Kyzyl, Vol. 3, p 3-28. (In Russ.).
25. Serdobov, N. A. (1985), “Коминтерн и Революционная Тува”, [Comintern and Revolutionary Tuva], Kyzyl, Tuvan book publishing house, 238 p. (In Russ.).
26. Toka, S. K. (1943), “Зарождение Тувинской народно-революционной партии”, [The birth of the Tuvan People's Revolutionary Party], Under the banner of Lenin-Stalin, no. 5, p. 33-42. (In Russ.).

Информация об авторе:

Николай М. Моллеров, доктор исторических наук, научный руководитель, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве РТ, Кызыл, Россия; 667000, Россия, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4.

e-mail: n.m.mollerov@mail.ru

Author ID РИНЦ: 990782.

Information about the author:

Nikolay M. Mollerov, Dr. of Sci. (History), Scientific Director, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov St., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia.

e-mail: n.m.mollerov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7127-184X.

@ Моллеров Н. М., 2023